

**Скверное
начало**

*Посвящается Беатрис —
родной, любимой, умершей*

Дорогой читатель!

Как ни жаль, но я вынужден предупредить, что книга, которую вы держите в руках, в высшей степени невеселая. Она содержит грустную историю о трех очень невезучих детях. Жизнь бодлеровских отпрысков, умных и обаятельных, полна страданий и бед. С первой же страницы, когда дети, находясь на пляже, узнают страшную новость, и дальше — на них так и сыпятся несчастья. Они, если можно так выразиться, просто притягивают невзгоды.

На протяжении только одной этой короткой повести трое детей сталкиваются с отвратительным жадным негодяем, с одеждой, вызывающей чесотку, с гибельным пожаром, с попыткой украсть у них наследство и с холодной кашей на завтрак.

Записать все эти неприятные истории — мой печальный долг, но вам ничто не мешает сразу отложить книгу в сторону и почитать что-нибудь более радостное, если вам это больше по вкусу.

Со всем подобающим почтением,

Лемони Сникет

Глава ПЕРВАЯ

ЕСЛИ вы любите истории со счастливым концом, вам лучше взять другую книгу. А у этой не только нет хорошего конца, но и начало плохое, и в середине мало чего хорошего. И все потому, что в жизни троих бодлеровских детей случилось не слишком много счастливых событий. Вайолет, Клаус и Солнышко Бодлер были дети смысленные, обаятельные, находчивые, приятной внешности, но на редкость невезучие. Их просто преследовали неудачи, невзгоды и огорчения. Мне неприятно вам об этом говорить, но что есть, то есть.

Несчастья начались в тот день, когда они играли на Брайни-Бич. Дети жили со своими родителями Бодлерами в огромном доме в центре грязного шумного города, но изредка родители разрешали им сесть на рахитичный троллейбус («рахитичный» здесь означает «шаткий, ненадежный») и самостоятельно поехать на пляж, где они и проводили своего рода каникулы весь день до позднего обеда. То утро выдалось пасмурное, облачное, но

бодлеровских детей это нисколько не огорчило. В жаркие солнечные дни на берегу набиралось полным-полно туристов, так что одеяло положить было некуда. А в пасмурные облачные дни пляж оставался в их личном распоряжении и они могли делать что захочется.

Старшей из них, Вайолет Бодлер, нравилось бросать камешки по воде, иначе говоря, «печь блины». В свои четырнадцать лет она уже вышла из того возраста, когда чаще пользуются левой рукой, и была настоящей правшой, и когда бросала камешки правой рукой, они скакали по темной воде дальше, чем когда бросала левой. Одновременно она вглядывалась в горизонт и обдумывала новое изобретение. Всякий, кто хорошо знал Вайолет, сразу мог догадаться, что она погружена в мысли, если ее длинные волосы перевязаны лентой, чтобы не лезли в глаза. Вайолет действительно умела изобретать и мастерить всякие необычные механизмы, в голове у нее вечно толпились воображаемые шестерни, блоки и рычаги, и поэтому она не желала, чтоб ее отвлекали такие пустяки, как волосы. В то утро она размышляла над тем, как соорудить устройство, которое бы возвращало назад пущенный по воде камешек.

Клаус Бодлер, средний ребенок и единственный мальчик в семье, любил разглядывать живых существ, остававшихся на берегу после отлива. Клаусу не так давно исполнилось двенадцать. Очки на носу придавали ему очень умный вид. Но он и вправду был умный мальчик. У родителей была обширная домашняя библиотека — целая комната, тысячи книг на всевозможные

темы. В свои двенадцать лет Клаус, разумеется, прочел еще не все эти книги, но успел прочитать довольно много, и в памяти у него накопилась уйма полезных сведений. Он знал, как отличить аллигатора от крокодила. Знал, кто убил Юлия Цезаря. И очень хорошо разбирался в крошечных скользких тварях, которые водились на пляже Брайни-Бич и которых он сейчас рассматривал.

Солнышко Бодлер, младшая, любила кусать все подряд. Она едва вышла из младенчества, но даже и для своего возраста была очень мала ростом — чуть побольше башмака. Зато в возмещение малого роста ее четыре зуба были большие и острые. Она пребывала в том возрасте, когда издают в основном нечленораздельные звуки. Если только она не употребляла те несколько настоящих слов, которые имелись в ее словаре (к примеру, «мам», «пить» и «кус»), окружающие обычно не понимали, что она хочет сказать. Сейчас она, например, без устали выкрикивала «гак!», что, возможно, означало: «Смотрите, какая странная фигура показалась из тумана!»

И в самом деле, по берегу в их сторону шагал кто-то высокий. Солнышко заметила его уже давно и долго кричала, чтобы привлечь внимание брата и сестры, прежде чем Клаус наконец оторвался от рассматривания колючего краба и тоже увидел фигуру, вышедшую из тумана. Он тронул Вайолет за руку, чтобы вывести ее из изобретательской задумчивости.

— Смотри! — Клаус показал ей приближавшееся существо, и теперь дети уже могли разглядеть кое-какие детали. Ростом оно было со взрослого человека, но голова казалась вытянутой и какой-то прямоугольной.

— Что это такое, как ты думаешь? — спросила Вайолет.

— Не знаю, — Клаус прищурился, — по-моему, оно направляется к нам.

— А к кому же еще, — несколько нервно ответила Вайолет, — на пляже мы одни.

Она сжала крепче гладкий плоский камешек, который держала в левой руке, и как раз собиралась закинуть его как можно дальше. Ей вдруг захотелось бросить его в приближавшуюся фигуру — уж очень она была пугающая.

— Оно только кажется жутким из-за тумана. — Клаус будто прочитал мысли сестры.

И он был прав: как только непонятное существо подошло близко, дети с облегчением увидели, что это вовсе не кто-то страшный, а знакомый им мистер По. Мистер По, приятель их родителей, которого дети часто видели на праздничных обедах. Что особенно нравилось детям Бодлеров в родителях, так это то, что они не отсылали их наверх, когда приходили гости, а, наоборот, разрешали сидеть со взрослыми за столом и участвовать в разговорах, пока не наступало время убирать со стола. Детям так хорошо запомнился мистер По, потому что он всегда бывал простужен и то и дело с извинениями вставал из-за стола, чтобы прокашляться в соседней комнате.

Мистер По снял шляпу с высокой тульей, из-за которой голова его и показалась в тумане детям длинной и прямоугольной, и постоял немного, кашляя в платок. Вайолет и Клаус шагнули ему навстречу и пожали руку.

— Как поживаете? — сказала Вайолет.

— Как поживаете? — повторил Клаус.

— Ка-а по-о-ва-а! — крикнула Солнышко.

— Отлично, благодарю вас, — ответил мистер По с грустным видом.

Несколько секунд все молчали, а дети гадали, что делает мистер По на пляже, когда он должен находиться в банке на работе. И одет он был совсем не по-пляжному.

— Приятный денек, — сказала наконец Вайолет, чтобы завязать разговор.

Солнышко пискнула, как рассерженная птица, и Клаус взял ее на руки.

— Да, приятный, — рассеянно ответил мистер По, глядя на пустынный берег. — Боюсь, у меня для вас очень плохие новости.

Вся троица уставилась на него во все глаза. Вайолет с некоторым смущением сжала камешек в левой руке, радуясь, что не успела бросить им в мистера По.

— Ваши родители, — произнес мистер По, — погибли в страшном пожаре.

Дети не проронили ни слова.

— Пожар уничтожил весь дом. Мне ужасно, ужасно тяжело сообщать вам об этом, милые мои.

Вайолет отвела взгляд от мистера По и опять устремила его на океан. Никогда раньше мистер По не обращался к ним «милые мои». Она поняла, что он им сказал, но подумала, что это шутка, что он так жестоко шутит с ними.

— «Погибли» означает «умерли», — пояснил мистер По.

— Мы знаем, что значит слово «погибли», — сердито отозвался Клаус. Слово он знал, но пока не мог уяснить смысл сказанного. Ему показалось, что мистер По просто не так выразился.

— Пожарные, разумеется, приехали, — продолжал мистер По, — но они опоздали. Весь дом был охвачен огнем. И он сгорел дотла.

Клаус представил себе, как горят книги в их библиотеке. Теперь ему уже не прочитать их все.

Мистер По откашлялся и продолжал:

— Меня попросили разыскать вас здесь и увезти к себе. Какое-то время вы поживете у меня в доме, а тем временем мы сообразим, как быть дальше. Я являюсь душеприказчиком ваших родителей. Это значит, что я обязан распорядиться их громадным состоянием и должен придумать, где вы будете жить. Когда Вайолет достигнет совершеннолетия, состояние перейдет к вам, но все равно, пока вы не повзрослеете, деньгами будет заведовать банк.

Хотя мистер По назвал себя душеприказчиком, в ушах Вайолет это слово прозвучало как «душегуб»: откуда ни возьмись появился на пляже и навсегда перевернул их жизнь.

— Пойдемте со мной. — И мистер По протянул руку. Пришлось Вайолет разжать руку с камешком. Клаус взялся за ее другую руку, Солнышко — за свободную руку Клауса, и так, троих бодлеровских детей — вернее, бодлеровских сирот — увели с пляжа и из их прежней жизни.

Глава ВТОРАЯ

БЕСПОЛЕЗНО было бы описывать, как убийственно чувствовали себя Вайолет, Клаус и даже Солнышко в своей новой жизни.

Если вам доводилось терять кого-то очень близкого, без кого никак не обойтись, то вы уже знаете, каково это, а если не доводилось, тогда все равно этого не представить. А юным Бодлерам это было особенно тяжело, ведь они потеряли сразу обоих родителей. Несколько дней дети чувствовали себя такими несчастными, что с трудом заставляли себя вылезать из постели. Клаус потерял всякий интерес к книгам. Рычажки и ко-

лесики в изобретательском мозгу Вайолет перестали крутиться. И даже Солнышко, которая была слишком мала, чтобы понимать происходящее, теперь кусала все вокруг с меньшим энтузиазмом.

Ну и конечно, не легче было им от того, что они вдобавок лишились своего родного дома и всего имущества. Уверен, вам уже довелось убедиться, что стоит оказаться у себя в комнате, на своей кровати — и мрак скверных обстоятельств немного рассеивается. Но даже кровати у бодлеровских сирот превратились в горелый хлам. Мистер По сводил их на пепелище — посмотреть, не уцелело ли там что-нибудь из вещей, но зрелище им предстало ужасное: микроскоп Вайолет оплавился в огне пожара почти до неузнаваемости, любимая авторучка Клауса превратилась в пепел, а все резиновые кольца для прорезывающихся зубов у Солнышка растаяли. Там и сям дети узнавали кое-какие приметы своего любимого дома: останки рояля, изящную бутылку, в которой мистер Бодлер держал бренди, обгорелую подушку с подоконника, на которой мама любила сидеть, когда читала...

Словом, их родного дома не существовало и приходиться в себя после страшной утраты им пришлось в семье По, что было не так-то приятно. Мистер По в основном отсутствовал, так как, видимо, очень много занимался делами Бодлеров, а бывая дома, столько кашлял, что не мог вести разговоры. Миссис По купила всем троиm одежду, от которой чесалось тело и к тому же каких-то диких расцветок. А с двумя их сыновьями — Эдгаром

и Альбертом, — шумными противными мальчишками, сиротам приходилось делить тесную комнату, где пахло на удивление гадкими цветами.

Но даже и при таком окружении дети испытали смешанные чувства, когда за скучным обедом, состоявшим из вареной кури, отварного картофеля и бланшированной (здесь это означало «вареной») фасоли, мистер По вдруг заявил, что на следующее утро они покидают его дом.

— Вот и хорошо, — сказал Альберт, у которого рот был набит картошкой. — Опять будем в комнате одни. Надоела мне давка. Вайолет и Клаус вечно ходят с унылым видом, такая скука.

— А маленькая девчонка кусается, — добавил Эдгар, бросая куриную косточку на пол, как обезьяна в зоопарке, а не сын уважаемого члена банковского сообщества.

— А куда мы переждем? — с опаской спросила Вайолет.

Мистер По открыл было рот, чтобы ответить, но тут же разразился кашлем, — впрочем, приступ длился недолго.

— Я договорился, чтобы вас взял к себе ваш дальний родственник. Он живет на противоположном конце города, зовут его Граф Олаф.

Вайолет, Клаус и Солнышко переглянулись, не зная, как к этому отнестись. С одной стороны, в семействе По им больше жить не хотелось. С другой стороны, они никогда ничего не слышали о Графе Олафе и не знали, что он за человек.

— Согласно пожеланию ваших родителей, высказанному в завещании, — продолжал мистер По, — воспитание должно быть сопряжено с наименьшими затруднениями. Тут, в городе, вы скорее привыкнете жить на новом месте, а Граф Олаф единственный родственник, который живет в пределах города.

Клаус с минуту обдумывал услышанное, с трудом прожевывая фасоль.

— Но родители никогда не упоминали про Графа Олафа. Кем он нам приходится?

Мистер По вздохнул и покосился на Солнышко — она кусала вилку и внимательно прислушивалась.

— Он не то троюродный дедушка, не то четвероюродный дядя, что-то в этом роде. Не самый близкий родственник генеалогически, но ближайший географически. Поэтому...

— Если он живет тут, в городе, — вмешалась Вайолет, — почему же родители ни разу не приглашали его в гости?

— Ну, может быть, потому, что он очень занятой человек, — предположил мистер По. — По профессии он актер и часто ездит по свету с разными театральными труппами.

— Я думал, он граф, — протянул Клаус.

— Одно другому не мешает, — возразил мистер По. — Не хочу вас торопить, но вам, дети, надо укладывать вещи, а мне надо вернуться в банк и еще потрудиться. У меня прибавилось дел с тех пор, как я стал вашим законным опекуном.

У детей осталось еще много вопросов к мистеру По, но он уже встал из-за стола и, слегка махнув им рукой в знак прощания, покинул комнату. Они услышали его кашель, а затем входная дверь со скрипом закрылась за ним.

— Так, — сказала миссис По, — вы трое идете укладываться. А вы, Эдгар и Альберт, поможете мне убрать со стола.

Бодлеровские сироты отправились в спальню и с удрученным видом начали паковать свои немногочисленные пожитки. Клаус, с отвращением беря в руки каждую очередную безобразную рубашку, купленную миссис По, клал ее в чемоданчик, а Вайолет оглядывала тесную, дурно пахнущую комнату. Солнышко в это время ползала по полу и деловито кусала башмаки Эдгара и Альберта, оставляя на каждом следы своих зубок на память о себе. Время от времени дети поглядывали друг на друга, но будущее их было таким смутным, что разговаривать не хотелось. Они проворочались всю ночь и, можно сказать, почти не спали из-за громкого храпа Эдгара и Альберта и собственных тревожных мыслей. Наконец мистер По постучал в дверь и заглянул в комнату.

— «Дети, в школу собирайтесь», — пропел он. — Пора отправляться к Графу Олафу.

Вайолет в последний раз оглядела заставленную кроватями комнату, и, хотя здесь было неуютно, ей вдруг страшно не захотелось уезжать.

— А что, надо ехать прямо сейчас? — спросила она.

Мистер По открыл было рот, но тут же закашлялся и ответил не сразу:

— Да, прямо сейчас. Я завезу вас к Графу Олафу по дороге в банк, так что едем как можно скорее. Вставайте, пожалуйста, и одевайтесь, — добавил он бодро (в данном случае «бодро» означало «торопя бодлеровских детей поскорее покинуть его дом»).

И дети покинули дом. Машина мистера По загрохотала по булыжной мостовой в сторону района, где жил Граф Олаф. Они проехали по аллее Уныния мимо экипажей, запряженных лошадьми. Мимо мотоциклистов. Мимо фонтана Каприз, искусно высеченного из камня сооружения, время от времени выплевывавшего воду, в которой плескались малыши. Они проехали мимо огромной груды земли, где раньше был Королевский парк. И вот уже мистер По свернул в узкий проулок, по обеим сторонам которого стояли домики из светлого кирпича, и остановился где-то на середине.

— Вот мы и тут, — сказал мистер По деланно веселым тоном. — Это ваш новый дом.

Дети выглянули наружу и увидели самый очаровательный домик в этом квартале. Кирпичи были отчищены, через широкие распахнутые окна виднелись разные ухоженные растения. В дверях, держась за сверкающую медную ручку, стояла пожилая женщина и улыбалась детям. В свободной руке она держала цветочный горшок.

— Здравствуйте! — крикнула она. — Наверное, вы те дети, которых усыновил Граф Олаф?

Вайолет открыла дверцу машины и вышла наружу, чтобы пожать протянутую ей руку. Рука у женщины была теплая, пожатие крепкое, и девочке впервые за долгое время подумалось, что в ее жизни и в жизни брата и сестры все еще может обернуться не так уж плохо.

— Да, — ответила она. — Мы те самые дети. Я — Вайолет Бодлер, это мой брат Клаус и сестра Солнышко. А это мистер По, он занимается нашими делами с тех пор, как погибли наши родители.

— Да, я слыхала про несчастье. А я — госпожа юстиция Штраус.

— Какое странное имя, — заметил Клаус.

— Это не имя, а звание. Я — судья в городском суде.

— Потрясающе, — сказала Вайолет. — И вы замужем за Графом Олафом?

— Вот еще! — воскликнула судья Штраус. — Да я и знаю-то его мало. Просто он живет в соседнем доме.

Дети перевели взгляд с сияющего чистотой дома судьи Штраус на соседний: покрытые копотью и грязью кирпичи, два маленьких окошка, да и те завешены шторами, несмотря на славный день. Над крышей вздымалась потемневшая башня, слегка покосившаяся влево. Входную дверь требовалось покрасить заново. Посредине же двери было вырезано изображение глаза. Все сооружение осело на одну сторону, словно кривой зуб.

— У-у-у! — произнесла Солнышко, и все поняли, что она имела в виду: «Какой гадкий дом! Не хочу я тут жить!»

— Что ж, приятно было познакомиться, — сказала Вайолет.

— Мне тоже. — Судья Штраус кивком показала на цветочный горшок. — Может, когда-нибудь зайдете и поможете мне с цветами?

— С удовольствием, — печально отозвалась Вайолет. Конечно, приятно помочь судье Штраус с цветами, но поневоле приходит в голову, что еще гораздо приятнее было бы жить в доме у нее, а не у Графа Олафа. Каким же надо быть человеком, подумала Вайолет, чтобы вырезать изображение глаза у входа в дом?

Мистер По приподнял шляпу, когда судья Штраус, улыбнувшись детям, исчезла в дверях своего прелестного дома. Клаус шагнул вперед и постучал костяшками пальцев прямо в середину глаза. Через мгновение дверь со скрипом отворилась, и дети увидели перед собой Графа Олафа.

— Привет, привет, — прохрипел Граф Олаф. Он был очень высокий и очень худой, в сером грязном костюме. На небритом лице вместо двух бровей проходила одна длинная бровь. Глаза блестели особенным блеском, что придавало ему голодный и одновременно злобный вид. — Привет, дети мои. Входите, входите в ваш новый дом, только сперва вытрите за дверью ноги, чтобы не натащить грязи.

Войдя внутрь (мистер По последовал за ними), дети увидели, какую нелепость только что сказал Граф Олаф. Они очутились в грязнейшей в мире комнате, так что чуточку грязи с улицы ничего бы не изменило.

Даже при тусклом свете одной голой лампочки, свисавшей с потолка, они разглядели, что все тут покрыто пылью — от чучела львиной головы, приколоченной к стене, до миски с огрызками яблок на небольшом деревянном столике. Оглядывая все вокруг, Клаус только усилием воли сдержал слезы.

— Похоже, над этой комнатой надо немного потрудиться, — проговорил мистер По, озираясь в полумраке.

— Я не сомневаюсь, что мой скромный домишко не так наряден, как бодлеровский особняк, — ответил Граф Олаф. — Но, возможно, с помощью их денег нам удастся сделать его поуютней.

Мистер По вытаращил от удивления глаза, и кашель его гулко разнесся по темной комнате.

— Состояние Бодлеров, — сурово произнес он, когда справился с кашлем, — нельзя тратить на такие нужды. Деньгами вообще нельзя пользоваться до совершеннолетия Вайолет.

Граф Олаф обернулся к мистеру По, и глаза его сверкнули, как у обозленного пса. Вайолет на миг показало, что он сейчас ударит мистера По. Но он только слотнул слюну (дети увидели, как на его тощем горле заходил кадык) и пожал плечами.

— Ну и ладно, — сказал он. — Мне все равно. Большое спасибо, мистер По, за то, что доставили их сюда. Пойдемте, дети, я покажу вам вашу комнату.

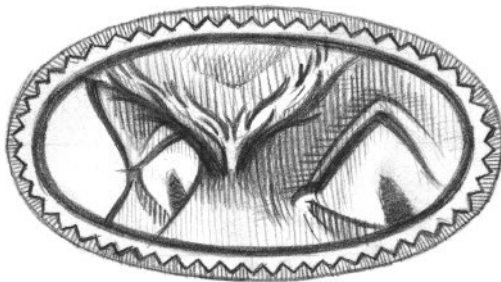
— До свидания, Вайолет, Клаус и Солнышко. — Мистер По попятился к двери. — Надеюсь, вам тут будет очень хорошо. Я иногда буду приходить, а меня всегда можно найти в банке, если у вас возникнут вопросы.

— Но мы даже не знаем, где ваш банк, — возразил Клаус.

— У меня есть карта города, — вмешался Граф Олаф. — До свидания, мистер По.

С этими словами он протянул руку к двери и закрыл ее, а трое сирот впали в такое отчаяние, что даже не успели бросить прощальный взгляд на мистера По. Им сейчас хотелось одного — остаться у мистера По, пусть у него в доме и стоит противный запах. Чтобы не смотреть на закрывавшуюся дверь, дети опустили глаза... И тут они заметили, что на ногах у Графа Олафа нет носков! А между обтрепанными отворотами брюк и черными башмаками на бледной коже ясно виднеется изображение глаза — точь-в-точь такое, как на входной двери. Интересно, подумалось им, сколько же еще глаз в доме у Графа Олафа? И неужели всю жизнь им суждено теперь ощущать, что Граф Олаф наблюдает за ними, даже когда его нет поблизости?

Глава
ТРЕТЬЯ

НЕ ЗНАЮ, замечали ли вы, что первые впечатления часто бывают обманчивыми. Вы, например, впервые смотрите на какую-то картину, и она вам совершенно не нравится. Но, присмотревшись, вы находите, что она совсем недурна. Когда впервые вы пробуете горгонзолу (это такой голубой сыр с плесенью), он вам может показаться чересчур острым, но с возрастом вам может захотеться есть исключительно сыр с плесенью. Клаусу, когда Солнышко только родилась, она совсем не понравилась, но к тому моменту, как ей исполнилось шесть недель, их было уже не разлить водой. И так со временем может перемениться ваше первоначальное мнение по любому поводу.

Хотелось бы мне сказать вам, что первое впечатление у детей от Графа Олафа и его дома тоже оказалось

неверным. Но, увы, их впечатление, что Граф Олаф кошмарный тип, а дом его — удручающе грязный свинарник, было абсолютно правильным. Первые несколько дней после вселения к Графу Олафу Вайолет, Клаус и Солнышко очень старались почувствовать себя как дома, но из этого ничего не вышло. Дом у Графа Олафа был вполне просторный, но он почему-то поместил всех в одну грязную спальню с одной небольшой кроватью. Вайолет с Клаусом спали на ней по очереди, так что каждую ночь кто-то спал на кровати, а кто-то на твердом дощатом полу. Однако матрас на постели был такой комковатый, что еще неизвестно, кому было хуже. Чтобы устроить постель для Солнышка, Вайолет пришлось снять с единственного окна в спальне пыльную штору и сложить ее в несколько раз, устроив таким образом подобие гнезда как раз по размерам маленькой сестры. Зато без занавески солнце с раннего утра светило в комнату через треснувшее оконное стекло, так что дети просыпались рано и совершенно разбитые. Вместо стенового шкафа в комнате имелся большой картонный ящик из-под холодильника, и туда-то кучей, одна вещь на другую, дети складывали свою одежду. Вместо игрушек, книг и прочих развлечений Граф Олаф приготовил для них груды булыжников. А единственным украшением на облезлых стенах было огромное уродливое изображение глаза — точно такое, как на щиколотке у Графа Олафа и повсюду в доме.

Дети знали, как наверняка знаете и вы, что самые скверные условия жизни переносить легче, если рядом

с вами интересные и добрые люди. Граф Олаф не был ни интересным, ни добрым: он был требовательным, раздражительным, и от него дурно пахло. Единственно, что можно сказать в его пользу, — он редко бывал дома. Проснувшись поутру и вытащив свою одежду из ящика, дети шли на кухню и там находили оставленный Графом Олафом список распоряжений. Сам он частенько являлся домой только глубокой ночью. Большую часть дня он проводил вне дома или же наверху в башне, куда детям ходить запрещалось. Задания он обычно давал им труднейшие: к примеру, перекрасить заднее крыльцо или же починить окна. Вместо подписи Граф Олаф рисовал внизу записки глаз.

И вот однажды оставленная им записка гласила: «Моя трупка пойдет пообедать перед вечерним представлением. Вы должны купить продукты, приготовить их, накрыть на стол, подать обед, убрать со стола и не путаться у нас под ногами». Внизу, как обычно, красовался глаз, а на столе под запиской лежала небольшая сумма денег на покупки.

Вайолет и Клаус прочитали записку за завтраком, состоявшим из серой с комками овсяной каши, какую Граф Олаф оставлял им каждое утро в кастрюльке на плите. Прочтя, они в испуге уставились друг на друга.

— Мы же не умеем готовить, — сказал Клаус.

— Верно, — вздохнула Вайолет. — Я знаю, как починить окна и как прочистить дымоход, только потому, что меня такие вещи интересуют. Но я не умею готовить ничего, кроме тостов.

— И то иногда их сжигаешь, — подхватил Клаус, и они улыбнулись. Оба вспомнили, как однажды встали пораньше, чтобы приготовить завтрак специально для родителей. Тост у Вайолет сгорел, и родители, почувяв гарь, прибежали сверху посмотреть, в чем дело. Когда их глазам предстали Вайолет и Клаус, в отчаянии глядевшие на угольки сгоревшего хлеба, они долго хохотали, а потом напекли оладий на всю семью.

— Вот бы они были тут, — вздохнула Вайолет. Не требовалось объяснять, кого она имеет в виду. — Они бы не отправили нас в это ужасное место.

— Будь они тут, — от волнения голос у Клауса звучал все громче, — мы бы вообще не оказались у Графа Олафа. Ненавижу я тут все, Вайолет! Ненавижу дом! Ненавижу нашу комнату! Ненавижу эти задания! Ненавижу Графа Олафа!

— Я тоже, — сказала Вайолет, и Клаус с облегчением посмотрел на старшую сестру. Бывает так — просто скажешь, что ненавидишь что-то, а кто-то с тобой согласится, и тебе сразу полегчает, хотя ситуация и останется такой же ужасной.

— Мне ненавистна наша теперешняя жизнь, Клаус, — продолжала Вайолет, — но нам остается одно — держать голову над водой.

Это выражение любил повторять их отец, и означает оно — «постараться не падать духом».

— Ты права, — согласился Клаус. — Только очень трудно держать голову над водой, когда Граф Олаф толкает ее под воду.

— Джук! — выкрикнула Солнышко, колотя ложкой по столу.

Вайолет и Клаус опомнились и поскорей вернулись к обсуждению записки Графа Олафа.

— Вот если бы найти поваренную книгу и почитать ее, — предложил Клаус. — Наверное, не так уж трудно приготовить что-нибудь простое.

Несколько минут дети открывали и закрывали кухонные шкафчики, но никаких поваренных книг не обнаружили.

— Нисколько не удивляюсь, — заметила Вайолет. — Мы вообще ни одной книги в доме не видали.

— Да, — печально поддакнул Клаус, — а мне так не хватает книжек. Надо будет на днях пойти поискать библиотеку.

— Но не сегодня, — одернула его Вайолет. — Сегодня мы должны приготовить обед на десять человек.

В эту минуту с улицы раздался стук в дверь. Вайолет и Клаус с волнением уставились друг на друга.

— Кому могло вздуматься навещать Графа Олафа? — с недоумением произнесла Вайолет.

— А может, кому-то захотелось повидать нас? — без особой надежды предположил Клаус.

С тех пор как Бодлеры-родители умерли, большинство бодлеровских друзей исчезли, что в данном случае означает «они перестали звонить, писать и заходить к сиротам, отчего те чувствовали себя очень одиноко». Мы-то с вами никогда бы так не поступили со своими горящими знакомыми, но такова уж жестокая прав-

СОДЕРЖАНИЕ

СКВЕРНОЕ НАЧАЛО

Перевод Н. Рахмановой

5

ЗМЕИНЫЙ ЗАЛ

Перевод Н. Тихонова

117

ОГРОМНОЕ ОКНО

Перевод Н. Рахмановой

253

ЗЛОВЕЩАЯ ЛЕСОПИЛКА

Перевод Н. Тихонова

401